

ОСОБЕННОСТИ ВИЗУАЛЬНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СЕКСУАЛЬНОСТИ В ПОРНОГРАФИИ

Горельцева В.В.

Цель данной статьи – осветить некоторые из современных подходов к разделению эротического и порнографического и попытаться определить их место в системе сексуальных отношений в паре. В статье рассматриваются подходы Л. Ульямс и А. Денщик, моральный и правовой аспекты производства и потребления порнографии, культурно-семиотический анализ порнографического изображения Е. Григорьевой, затрагивается проблема порнозависимости и влияния порнографической продукции.

Ключевые слова: эротика, порнография, сексуальность, интимность.

Сексуальность, что особенно подчеркивается в экзистенциальной психологии, есть данность, оформляемая определенными культурными нормами и запретами, определяющими круг дозволенного в сексуальных отношениях. Как известно, отношения в паре в своей зрелой форме, обнаруживая себя в качестве автономии, для которой характерна меньшая ориентация на культурные запреты и социальные ограничения. Зрелые сексуальные отношения любви, по О. Кернбергу, предполагают реализацию в них самых ранних, инфантильных эротических фантазий [10]. Либерализация сексуальной морали и сексуального поведения предполагает свободу от рестриктивных норм, свободу вообще от всякого подавления и «свободное развертывание» человеческой сексуальности. Предполагается, что эта свобода как бы приводит человека (в сексуальном отношении) к самому себе [7].

В связи с этим Л. Ульямс (L. Williams) выделяет понятия *на/ценности* и *за/ценности* как показатели и характеристики принимаемого в официальной культуре или остающимся за пределами социальности [11]. Здесь наиболее ярким примером, значимым в нашем исследовании, предстает феномен разделения эротика и порнографии, как форм «визуальной репрезентации сексуальности» (П. Феган). Эротика понимается нами как «внутреннее переживание, связанное с сексуальностью, так же определенная оценка и отношение к ней» (Обуховский, 1977).

Проблемное поле данного феномена включает в себя: собственно «вопрос дефиниции (порнография или эротика), вопрос о законности (гарантированная Конституцией свобода слова), вопрос о нравственности (мотивы и последствия производства и потребления порнографии)» [4, С. 109], в т.ч. репрезентацию

сексуальных девиаций, подростковый и детский секс, коммерциализацию отношений и порнозависимость.

Противниками узаконивания порнографии являются, как правило, феминистки и представители религиозных культов. Так, по С. Зонтаг, порнография – «проблема истории общества, психологический симптом девиантности (как производителей, так и потребителей порнографической продукции)» [6, с. 65]. Проблема отделения порнографического от непорнографического в первую очередь связана с действием юридических норм, регулирующих производство, распространение и использование порнографической продукции. Однако в широком правовом контексте порнография рассматривается как «социально-психологическое явление, присущее любому обществу независимо от его общественно-политической и культурной ориентации» [2]. Важно отметить, что проблема власти, господства и подчинения, считается историками культуры одной из центральных в вопросе нормирования сексуальных отношений.

С целью нормирования кино-продукции, как средства репрезентации эротических материалов, была выработана определенная система оценок, начинавшая свою историю с размытого критерия «непристойности», в рамках которого оперировали такими юридическими терминами как «*низменные инстинкты*» и «*явно оскорбительный*», и в настоящий момент существующая как жесткая система предписаний [9, с. 197]. Так специалистами Центра судебной экспертизы МЮ РФ эротика и порнография дифференцируются по критерию замысла (содержания) и воплощения: 1) по замыслу: а) замысел порнографии достаточно одномерен, аналитичен и включает лишь одну идею – показ

натурализма области гениталий и самого полового акта; б) порнография жестко функциональна, она вызывает только сексуальное возбуждение; в) оперирует стандартными клише и вследствие этого ее основной целью является нарушение общественных условностей, спекуляция на дефиците новизны – показ необычных форм половой жизни, сильнее возбуждающих людей; г) коммерция, тиражирование, массовость, стандартность – производство, нацеленное на получение прибыли; д) имеет дело со стандартным, деиндивидуализированным сексом, ее предметом является не личность, не индивидуальное тело, а гениталии; е) отрицает нравственность, унижает человека, превращая его в объект сексуальных манипуляций; 2) по плоскости (приемам, средствам): а) приемы и средства порнографии используются только для демонстрации чистой физиологии – натурализма гениталий и половых отношений; б) преимущественное использование крупного плана, направленности освещения, а также прямых ракурсов съемки с целью фиксации деталей того или иного фрагмента сексуальных отношений либо анатомо-физиологических подробностей половых органов, актов естественных отправления человеческого организма и пр.

В настоящий момент существует большое количество исследований и публикаций собственно психологического характера, в которых авторы освещают проблемы порнозависимости, её последствия и осуществляют собственно психологический подход в разработке критериев и сущностных характеристик порнографического. Среди факторов, влияющих на степень социальной опасности порнографической продукции, выделяют: а) содержание эротических стимулов; б) продолжительность воздействия порнографии; в) тип человека, потребляющего информацию порнографического характера [2].

По А. Денцик, формообразующими признаками порнографии являются [5]:

- фрагментация тела;
- акцент, замена, сведение всего тела к его частям – губам, груди, половым органам, ягодицам;
- использование метафоры «человек (женщина) – животное»;
- репрезентация женщины как объекта;
- репрезентация женщины (реже – мужчины) как безвольного, не способного контролировать себя существа;
- гиперболизация;
- настойчивая, акцентированная вульгаризация.

Порнография так же рассматривается как тип условности или прием в искусстве: порнотопия как нарочитое преувеличение, гипертрофирование крупных планов, стремящихся вызвать реакцию физиологического порядка. Цель – преувеличить реальность с целью изменения нормального репро-

дуктивного видения. По С. Маркусу [9], «всё это как-то слишком правдиво, слишком близко, чтобы стать правдой: и как раз это-то и зачаровывает: избыток реальности, гиперреальность вещи». В широком философском контексте порнография есть форма проявления *отчуждения от реальности*, – яркий пример философии постмодерна – Ж. Бодрийяр: «сегодня на производство такого рода реальности, такого рода сверхреальности ориентированы все mass media и информация (вспомним многообразные интервью, прямой эфир, кино, документальное телевидение). Они производят ее настолько много, что мы оказываемся окруженными непристойностью и порнографией. Наезд камеры на объект, по сути дела порносъемка, делает для нас реальным то, что реальностью никогда не было, что всегда имело смысл только на некотором расстоянии» [1, с. 93].

Порнография может рассматриваться как способ репрезентации идеи, материалов в том числе не-сексуального характера.

Е. Григорьева определяет данные свойства порнографического изображения с искусствоведческой и культурно-семиотической позиции через «метрику изображения», композиционные особенности регулярного поля, имеющего границы, или рамку, и в случае с порнографией, реализующие феномен «замочной скважины», основанный на физических свойствах оптики – способности маленького отверстия концентрировать изображение, делать его четче. Важным здесь также является принцип соположения наблюдателя и наблюдаемого, позволяющий увидеть *невидимое*, которое может получать разнообразное толкование. «В определенном смысле, само изображение есть свойство или порождение *границы*» (курсив мой) [3, с. 181]. С этой точки зрения сексуализация образа создается его *недостижимостью*.

В порнографии происходит нарушение закона, преимущественно «сознательного» восприятия произведения, т.е. разрушение ментальной границы между человеческим телом и артефактом («телесная плотность» современного зрения по Дж. Керри). Е. Григорьева так же указывает на значимость присоединения порнографии к искусству: «В этом смысле, как только творчество, например, Де Сада провозглашается искусством, оно теряет свои трансгрессивные свойства, и, напротив, в определенных условиях и портрет Махатмы Ганди может стать объектом направленной сексуальности» [3, с. 200].

Реализм изображения исчезает через концептуальное размывание, растворение границы, как материализованного препятствия-разграничения, существующего в сознании рецепиента.

Утверждая примат воображаемого по Лакану («кино учит нас, как желать», С. Жижек), Л. Ульямс заключает: «Вместо того, чтобы говорить о том, что

каждому типу сексуальных предпочтений соответствует определенный тип порнографии, мне представляется более целесообразным рассматривать порнографию в качестве неотъемлемой составляющей процесса привыкания зрителя к практике получения самых разных типов сексуальных удовольствий – визуальных и инстинктивных, – удовольствий, как рождающихся в их воображении, так и ощущаемых чисто физически» [11]. Л. Ульямс говорит о порнографии, ссылаясь на М. Фуко, как о способе «проговаривания секса», необходимом, в основном, для секс-меньшинств.

В книге «Порнография и непристойность» (1929) Д.Г. Лоуренс к основным признакам порнографии относит ее нелегальность «порнография никогда не проявляет себя открыто», а так же то, что она «во всех без исключения случаях оскорбительна – как для секса, так и для самого человека»; порнография как проявление «нравственной безупречности» – презрения и неприятия здоровой сексуальности, «почесывание маленького грязного секрета», продукт действия «секретности и скрытности», в которых всегда заключен элемент «страха, зачастую, граничащий с ненавистью» [8, с. 56]. Данная точка зрения разрешается в определении необходимости полной открытости и обсуждения вопросов сексуальности, в попытке «хотя бы сказать своей подрастающей и надоедливо проказливой дочери: «Девочка моя, единственный раз, когда благодаря тебе я получил удовольствие, был тот момент, когда мы с твоей мамой зачинали тебя».[8, с. 67]. С. Дацюк определяет главную трудность на этом пути, называя ее «*синдром опеки*»: «Вначале молодой человек вынужден соотносить свой запрос на порнографию с опекой своих родителей. Затем, когда у него появляются собственные дети, с возможной опасностью для них, то есть со своей опекой над ними. Именно этот трансфер опеки предохранял и предохраняет нас от превращения порнографии в публичную культуру, заставляя выделять ей некоторые специальные, барьерами огражденные, области распространения» – т.е. значимая проблема здесь также путь межпоколенной трансляции ценностей.

Так феномен порнографии можно рассматривать как *запрос* на «честность» или «правдивость» в вопросах сексуальности, который, однако, ей самой не является.

Таким образом, при изучении представлений об эротике особенности отношения к порнографии могут стать путем понимания реализованности индивида в эротической сфере, ее ценностно-смысловой целостности и способности к установлению отношений доверия и интимности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодрийар Ж.В Тени молчаливого большинства, или Конец социального / Пер. с фр. Н.В. Суслова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000.
2. Бушмин С.И. Порнография: Уголовно-правовой и криминологический аспекты: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1993. – 22 с.
3. Григорьева Е.Г. Эмблема: очерки по теории и прагматике регулярных механизмов культуры. – М.: Водолей Publisher, 2005. – 232 с.
4. Гоцило Е. Новые члены (members) и органы: политика порнографии // Женщина и визуальные знаки / Под ред. А. Альчук. – М.: Идея-Пресс, 2000. – С. 107–144.
5. Денщик А. Порнографическое воображаемое в поле социального // Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность: Сб. науч. ст. / Под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова, В. Круткина. – Саратов: Научная книга, 2006.
6. Зонтаг С. Порнографическое воображение // Мысль как страсть / Сост., общ. ред., пер. с фр. Б. Дубина. – М.: Русское феноменологическое общество, 1997.
7. Ионин Л.Г. Укрощенная эротика // Журнал «Человек». – М., 1992. – № 3.
8. Лууренс Д.Г. Психоанализ и бессознательное. Порнография и непристойность. – М.: Эксмо, 2003. – 480 с.
9. Нагаев В.В. Эротика и порнография. Критерии различий. Проблемы правовой оценки и экспертизы: монография. – М.:ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2009. – 336 с.
10. Кернберг Отто Ф. Отношения любви: норма и патология / Пер. с англ. М.Н. Гергиевой. – М.: Независимая фирма «Класс», 2006. – 256 с.
11. Уильямс Л. Жесткое порно. Власть, удовольствие и «неистовство визуального» // Неприкосновенный запас. – 2003. – № 3(29). <http://magazines.russ.ru/nz/2003/29/ui.html>